

## **Литературно – эстетическая позиция В. Ф. Ходасевича.**

*Аннотация: данная статья освещает литературную деятельность русского писателя – эмигранта Ходасевича В. Ф. В статье ставится акцент на то, что для писателя искусство - это явление, основанное на знании и мастерстве, а не на интуиции. В статье отмечаются воспоминания писателя, на основе произведения «Некрополь», где особое внимание уделяется очерку «Муни».*

*Ключевые слова: писатель – эмигрант, мировоззрение, творчество, интуиция, поэзия человеческого документа.*

Среди русских писателей первой половины XX века, чье творчество возвращается в последние годы к широкому читателю, Владислав Ходасевич, безусловно, один из крупнейших.

С 1922 года Ходасевич стал эмигрантом. С 1925 года он навсегда поселился в Париже и был одним из знаменитых литературных критиков зарубежья. Его литературная деятельность была разнообразной. Ходасевич предстает перед нами, по крайней мере, в четырех образах: поэта, мемуариста, критика и историка литературы. Если сравнить эти четыре направления в его жизни, то для него они были не равнозначны. «Из всех явлений мира я люблю только стихи, из всех людей – только поэтов» [2.7]. Нужда в деньгах заставляла его не оставлять пера, начиная с молодости и до последних лет жизни.

Написание прозы было для Ходасевича не только средством заработка. Все, что писал Ходасевич как мемуарист, критик или исследователь, построением единого здания литературы, в котором поэзия должна была занимать место высшего, но неотделимого от всех других этажа.

Значение критической и историко-литературной работы особенно повышалось для Ходасевича тем, что сам он неизменно был приверженцем творчества, основанного на знании и мастерстве. Полемика с Г. Адамовичем о «поэзии человеческого документа» стала одним из наиболее заметных

событий литературной жизни русской эмиграции. Возражая оппоненту, отстаивавшему ценность безыскусных, но искренних поэтических признаний, Ходасевич утверждал, что истинной поэзии вне культуры и профессионализма не может существовать. Естественно, еще более высоким критериям такого рода должен был соответствовать человек, пишущий о литературе. «Начала интуитивные, - утверждал Ходасевич в статье «Еще о критике», - как то известное чутье, вкус и т. д. имеют свои права и свое значение в работе критической. Но интуиция должна быть проверена знанием, как сложение вычитанием, а умножение – делением. Критик - интуит слишком опасно похож на гадалку. Хотя, ведь и гадалкины предсказания о будущем «проверяются» ее умением угадать прошлое. Отсюда: критик, не поработавший в истории литературы, всегда подозрителен в смысле его компетенции» [2.7-8]. Говоря об Ю.А. Айхенвальде, считавшемся видным представителем именно импрессионистической критики, Ходасевич счел нужным подчеркнуть, что тот в своих суждениях «опирался на известную систему художественных воззрений и на солидные познания, а не на какую –нибудь интуицию» [2.8].

Такая оценка интуиции и вдохновения может показаться неожиданной в высказываниях поэта. Однако, здесь, таится своеобразие жизненной и литературной позиции Ходасевича, который, не отказываясь от представлений о высоком назначении поэзии, всегда предпочитал реальность, мистике. Стремление к суждениям, оценкам и предсказаниям без иллюзий. Он мучительно отдирает от себя самые дорогие пристрастия и верования, ради обретения крайней трезвости взгляда. Что определяет и интонацию его стихов, начиная с первого зрелого сборника «Путем зерна», и ни с чем не сравнимый интерес его мемуаров, и его особое положение в среде русской литературной эмиграции, где он получил репутацию демона скептицизма.

В вошедших в сборник «Некрополь» воспоминаниях об Андрее Белом Ходасевич определил свой взгляд на обязанности мемуариста. Здесь мне

хочется привести высказывание, потому, что оно как нельзя лучше характеризует личность автора.

«Я долгом своим (не легким) считаю – исключить из рассказа лицемерие мысли и боязнь слова. Не должно ждать от меня изображения иконописного, хрестоматийного. Такие изображения вредны для истории. Я уверен, что и безнравственны, потому что только правдивое целостное изображение замечательного человека способно открыть это лучшее, что в нем было. Истина не может быть низкой, потому что нет ничего выше истины. Пушкинскому «возвышающему обману» хочется противопоставить нас возвышающую правду: надо учиться чтить и любить замечательного человека со всеми его слабостями и порой даже за самые эти слабости. Такой человек не нуждается в прикрасах. Он от нас требует гораздо более трудного: полноты понимания» [2.62].

В «Некрополе» Ходасевич рассказал, как волею судеб ему довелось стать первым слушателем одного из самых крупных литературоведческих открытий XX века – теории метра и ритма Андрея Белого. Престиж гуманитарного знания в этом кругу был необычайно высок, и Ходасевич нисколько не лукавил, когда писал о том, как он был изумлен тем, что столь видный пушкинист, как Гершензон, «снизошел до переписки» с ним «автором единственной статьи о Пушкине». Разумеется, Ходасевич иронизировал в адрес самодовольного величия, по которому за версту познаются «солидные ученые», и которого, как оказалось, был начисто лишен Гершензон. Но и следует отметить то, что в них есть и признание сложившейся иерархии культурных ценностей.

Также книга «Некрополь», состоящая из очерков, опубликованных в разное время, изображается перед нами рядом биографических историй. Символистские жизнетворческие практики самого Ходасевича известны нам из самого же «Некрополя», и здесь можно отметить очерк «Муни». В этом разделе воспоминаний поэт пытается показать свое мировоззрение середины 1900 – 1910 г.г. Во второй половине 1900 – х годов Ходасевичу и Муни были

ближе устремления младших символистов с их мистическим поиском. Речь идет о периоде кризиса символизма («душевная усталость», «повальный эстетизм»), поэтому символистские практики поэтов включают в себя и другие тенденции, а поскольку речь идет о начинающих поэтах, то спектр этих тенденций весьма широк (усваивается не только синхронная символистская продукция, но и ее образцы предшествующих периодов). А восприятие реальности идет как предвестие и чувство того, что вот-вот должны «наступить события», являются сильным отголоском символистских мыслей, связанных не только с мировоззрением поэтов, но и с последними религиозными ожиданиями Д.С. Мережковского. Также нужно конкретизировать саму связь с младшими символистами. Здесь важно обратить внимание на два аспекта. С одной стороны, ожидания изменения мира связывают Ходасевича и Муня с ранними поисками поэтов – мистиков. С другой, - тот факт, что сами ожидания пессимистичны («скептицизм, «карканье»), в значительной степени определено тем, что Ходасевич и Муня показывают мироощущение, присущее периоду «антитезы» у Блока и Белого с характерными мотивами «стихийности» бытия и пессимистичного отчаяния.

Характеризуя себя и своего друга как «маленьких учеников плохих магов», Ходасевич критично говорит о мэтре символистов имевшем репутацию «мага», которая упрочилась после появления, посвященного ему стихотворения А. Белого «Маг» - о проекциях А. Белого и его психологическом противостоянии с Брюсовым, в котором актуализировался образ «мага». Критическое отношение в Брюсову в «Некрополе» интересно, поскольку в своей литературной юности Ходасевич испытал его сильное влияние [1.19].

Итак, судя по мемуарам, мировоззрение юного Ходасевича в не малой степени связано с младшими символистами, хотя напрямую эта связь нигде не декларируется. С литературной точки зрения это можно объяснить нежеланием того, что поэт в 20 – 30 – е гг. воспринимался активным участником символистского движения, разделившим его специфичность и

неудачи. Ходасевич, возможно, предпочитает роль внешнего свидетеля, мировоззрение которого символизм будто бы не определял. Вместе с тем, нельзя не учитывать замечание Ходасевича о символизме, ставшем «образом жизни».

#### Литература:

1. Успенский П. «Творчество В. Ф. Ходасевича и русская литературная традиция 1900 – 1917 г.г.» Эстония, Тарту – 2014.
2. Ходасевич В. Ф. «Писатели о писателях. Державин» Москва, Книга – 1988 г.